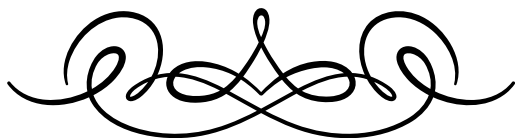

СКАНДАЛ В БОГЕМИИ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

I

Для Шерлока Холмса она всегда оставалась «Той Женщиной». Я почти не слышал, чтобы он называл ее как-нибудь иначе. По его мнению, она затмевала и далеко превосходила всех представительниц своего пола. Нельзя сказать, чтобы он испытывал к Ирен Адлер чувство, близкое к любви. Всякие чувства, а тем более это, были ненавистны его холодному, точному и поразительно уравновешенному уму. Мне кажется, он был самой совершенной мыслящей и наблюдающей машиной, какую когда-либо видел мир, но в роли влюбленного ему было бы не по себе. Он говорил о нежных чувствах не иначе как с презрительной усмешкой и с издевкой. Они были великолепным объектом для наблюдения, превосходным средством срывать покровы с человеческих побуждений и поступков. Но допустить вторжение чувства в свой утонченный и великолепно отрегулированный внутренний мир значило бы для изощренного мыслителя внести туда хаос, который бросил бы тень на все достижения его мысли. Песчинка, попавшая в чувствительнейший прибор, или трещина в мощной линзе причинила бы меньше неприятностей такому человеку, как Холмс, нежели страсть. И тем не менее одна женщина для него все-таки существовала, и этой женщиной была покойная Ирен Адлер, особа весьма и весьма сомнительной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом: моя женитьба отдалила нас друг от друга. Безоблачного счастья и число семейных интересов, которые возникают у человека, когда

он впервые становится хозяином в собственном доме, было достаточно, чтобы поглотить все мое внимание. Между тем Холмс, как истый представитель богемы, ненавидевший все формы светской жизни, оставался в нашей квартире на Бейкер-стрит, погребенный среди своих старых книг, чередуя недели увлечения кокаином с приступами честолюбия, дремотное состояние наркомана — с бешеной энергией, присущей его неистовой натуре.

Как и прежде, он был глубоко увлечен разгадкой преступлений. Свои огромные способности и необычайный дар наблюдательности он отдавал выяснению тех тайн, от которых, признав их неразрешимыми, отказалась государственная полиция. Время от времени до меня доходили смутные слухи о его делах: о том, как его вызвали в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, что ему удалось пролить свет на загадочную трагедию братьев Аткинсон в Тринкомали, и, наконец, о весьма тонко и успешно выполненном деликатном поручении голландского королевского дома. Однако, помимо этих сведений, которые я так же, как и все читатели, черпал из газет, мне мало что доводилось слышать о прежнем друге и товарище.

Однажды вечером — это было 20 марта 1888 года, — возвращаясь от пациента (я теперь вновь занялся частной практикой), я очутился на Бейкер-стрит. Я проходил мимо знакомой двери, которая навсегда связана в моей памяти с тем временем, когда я был влюблен, и с мрачными событиями «Этюда в багровых тонах», и меня охватило острое желание вновь повидать Холмса, узнать, чем теперь занят его замечательный ум. Окна были ярко освещены, и я даже увидел его высокую худощавую фигуру, которая дважды темным силуэтом промелькнула на спущенной шторе. Он стремительно шагнул из угла в угол, низко опустив голову и заложив за спину руки. Я знал все привычки моего друга, и потому порывистость его движений и весь облик его говорили мне о многом. Шерлок Холмс вновь принялся за работу.

Он стряхнул с себя навеянные наркотиками туманные грезы и бился над какой-то новой загадкой. Я позвонил, и меня проводили в комнату, которая когда-то была отчасти и моей.

Он встретил меня без пространственных излияний. Он, как всегда, был сдержан, но, по-видимому, обрадовался моему приходу. Почти без слов он приветливым жестом пригласил меня сесть, подвинул ко мне коробку сигар и кивнул на погребец с вином и аппарат для газирования содовой воды в углу. Затем, остановившись у камина, окинул меня своим пронизательным взглядом.

— Семейная жизнь вам на пользу, Уотсон, — заметил он. — Я думаю, вы прибавили семь с половиной фунтов с тех пор, как я вас видел в последний раз.

— Семь! — возразил я.

— Правда? А мне показалось, немного больше. Чуть-чуть больше, уверяю вас. И снова практикуете, я вижу? Вы не говорили, что собираетесь впрячься в работу.

— Так откуда вы это знаете?

— Смотрю и делаю выводы. Например, откуда я знаю, что вы недавно промокли до нитки и что ваша служанка — большая неряха?

— Дорогой Холмс, — сказал я, — это уж слишком! Несколько веков назад вас непременно сожгли бы на костре. Действительно, в четверг мне пришлось прогуляться за город и я вернулся домой весь в грязи, но ведь я переменял костюм, и ума не приложу, что вы могли заметить. Что касается Мэри Джейн, она и в самом деле неисправима, и жена уже сделала ей предупреждение. Но я не понимаю, как вы об этом догадались.

Холмс усмехнулся и потер длинные нервные руки.

— Проще простого! — сказал он. — На внутренней стороне вашего левого башмака, как раз там, куда падает свет, видны шесть почти параллельных царапин. Очевидно, кто-то очень небрежно обтирал края подошвы, чтобы удалить засохшую грязь. Отсюда, как видите, я делаю двойной

вывод: что вы выходили в дурную погоду и что у вас образчик прескверной лондонской прислуги. А что касается вашей практики... если ко мне в комнату входит джентльмен, пропахший йодоформом, если у него на указательном пальце правой руки черное пятно от ляписа, а сбоку на цилиндре шишка, указывающая, куда он запрятал свой стетоскоп, нужно быть совершенным глупцом, чтобы не признать в нем деятельного представителя врачебного сословия.

Я не мог удержаться от смеха, слушая, с какой легкостью он объяснил мне ход своих мыслей.

— Когда вы рассказываете, — заметил я, — все кажется до того смехотворно простым, что я и сам без труда мог бы сообразить. А между тем в каждом конкретном случае я снова оказываюсь в полнейшем недоумении, пока вы не расскажете какое-то звено в своих рассуждениях. Хотя, должен сказать, глаз у меня острый.

— Совершенно верно, — ответил Холмс, закуривая папиросу и вытягиваясь в кресле. — Вы смотрите, но вы не замечаете, а это большая разница. Например, сколько раз вы видели ступеньки, ведущие из прихожей в эту комнату?

— Много.

— Как много?

— Ну, несколько сот раз.

— Отлично. Сколько же там ступенек?

— Сколько ступенек? Понятия не имею!

— Вот-вот, не заметили. А между тем вы видели! В этом вся суть. Ну а я знаю, что ступенек — семнадцать... Кстати, вы ведь, кажется, интересуетесь всякими загадками и даже были любезны описать кое-что из моих скромных опытов. Может быть, вас заинтересует эта записка?

Он кинул мне листок толстой розовой почтовой бумаги, валявшейся на столе.

— Получена с последней почтой, — сказал он. — Читайте вслух.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

